

О.Н. Аргунов*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
ЗА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ»
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-4-8
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Аргунов О.Н. Некоторые аспекты борьбы за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве регионов Центрального Черноземья в первые послевоенные годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 102–111.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-08.pdf>

O.N. Argunov*

**SOME ASPECTS OF THE STRUGGLE FOR
“SOCIALIST LEGALITY” IN AGRICULTURE
IN THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH
REGION IN THE FIRST POST-WAR YEARS**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-8

How to cite:
Argunov O.N. Some Aspects of the Struggle for “Socialist Legality” in Agriculture in the Regions of the Central Black Earth Region in the First Post-War Years // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 102–111.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-08.pdf>]

Abstract. Currently, domestic historiography approaches the understanding of the concept of “socialist legality” through the prism of its understanding in relation to the period of existence of the Soviet state before 1936, while by the post-war stage of the life of the USSR this concept had evolved significantly and began to be understood as the unity of political expediency and socialism. legal consciousness that gave priority to the needs of the state, identifying it with the ruling class. Therefore, the observance of “socialist legality” in the post-war years should be understood as the protection of the interests of the state. In relation to agriculture, this was expressed mainly in the fulfillment of obligations by collective farms and agricultural enterprises to the state and the preservation of state and collective farm property. Speaking about the Central Black Earth region, which included the Voronezh, Kursk and Tambov regions, it should be noted that the problem of observing “socialist legality” is inextricably linked with the issues of overcoming the consequences of military devastation, drought and famine that covered the region in 1946–1947. It was during this period that one could observe an explosive increase in the number of crimes related to the theft of socialist property. The main object of theft on collective farms was grain: it was the theft of bread that accounted for the vast majority of criminal cases opened during this period. However, archival documents record that due to the poor organization of the work of security agencies and prosecutors in the districts, as well as due to the involvement of their workers in additional work, the recording and detection of crimes was at a low level. At the same time, if cases were formed, they tried to investigate them quite thoroughly. Therefore, it can be stated that the work on the struggle for “socialist legality” in the agriculture of the Central Black Earth Region in the post-war years was carried out quite seriously and generally successful, but a full study of this issue is just beginning.

Keywords: post-war time, “socialist legality”, Agriculture, collective farms, the prosecutor’s office, Central Black Earth Region.

* **Олег Николаевич Аргунов**, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, Курск, Россия, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru
Oleg Nikolaevich Argunov, Candidate of Historical Science, Kursk State Archive, Kursk, Russia, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящее время отечественная историография подходит к пониманию понятия «социалистическая законность» через призму его осмысления применительно к периоду существования Советского государства до 1936 г., в то время как к послевоенному этапу жизни СССР данный концепт значительно эволюционировал и стал пониматься как единство политической целесообразности и социалистического правосознания, которые отдавали приоритет потребностям государства, отождествляя его с правящим классом. Поэтому под соблюдением «социалистической законности» в послевоенные годы следует понимать охрану интересов государства. Применительно к сельскому хозяйству это выражалось преимущественно в выполнении обязательств колхозами и сельхозпредприятиями перед государством и сохранении государственной и колхозной собственности. Говоря о Центрально-Черноземном регионе, к которому относились Воронежская, Курская и Тамбовская области, необходимо отметить, что проблема соблюдения «социалистической законности» неразрывно связана с вопросами преодоления последствий военной разрухи, засухи и голода, накрывших регион в 1946–1947 гг. Именно в этот период можно было наблюдать взрывной рост числа преступлений, связанных с расхищением социалистической собственности. Главным объектом краж в колхозах было зерно: именно на хищения хлеба приходилось абсолютное большинство заведенных в этот период уголовных дел. Однако архивные документы фиксируют, что из-за плохой постановки работы органов безопасности и прокуратуры в районах, а также в связи с привлечением их работников к выполнению дополнительных работ фиксация и раскрываемость преступлений находились на низком уровне. В то же время если дела формировались, их старались расследовать довольно тщательно. Поэтому можно констатировать, что работа по борьбе за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве Центрального Черноземья в послевоенные годы велась достаточно серьезная и в целом успешная, однако полноценное изучение данного вопроса только начинается.

Ключевые слова: послевоенное время, «социалистическая законность», сельское хозяйство, колхозы, прокуратура, Центральное Черноземье.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Определяя концепт «социалистическая законность» для обозначенного в заглавии настоящей статьи временного периода, необходимо обратиться к истории его формирования и бытования в повседневной советской юридической практике.

Построение принципиально нового государственного устройства, начавшееся после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., потребовало полного переосмысления термина «законность». Вместо защиты базовых прав человека советская власть провозгласила построение государства, где правящий класс должен был выстраивать пролетарскую диктатуру в соответствии с собственными интересами. Тем самым на смену правам человека приходила классовая законность, которая определялась «исходя из интересов укрепления его (господствующего класса. – О. А.) руководящего положения в обществе, проведения в жизнь программы преобразований, соответствующих его классовым целям, а вовсе не абстрактными соображениями справедливости»¹. Чтобы показать фундаментальное отличие новой советской «законности» от «законности» буржуазной, в литературе

---

¹ Солуков А.А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 271.

и повседневности стали использовать эпитеты «социалистическая» или «революционная». В этой связи оговоримся, что в настоящей работе термины «социалистическая законность» и «революционная законность» идентичны, о чем будет сказано ниже.

Как отмечает исследователь А.А. Плотниекс, «концепция социалистической законности, как и общая теория социалистического права в целом, разрабатывалась на конкретно-историческом материале в тесной связи с политико-организационной и теоретической деятельностью Коммунистической партии, направленной на установление в Советском государстве прочного режима законности»². Таким образом, констатируем, что смысловое наполнение настоящего термина практически непрерывно эволюционировало, т.е. смысл данного понятия в конце 1910-х, в 1920-е, 1930-е и тем более в 1940-е гг. был далеко не идентичным. К примеру, как результат практического и теоретического осмысления «революционной законности» применительно ко второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. хотелось бы привести определение советского правоведа С.Н. Орловского, который понимал ее как «соблюдение органами власти, гражданами Союза ССР и другими проживающими на его территории лицами законов Рабоче-Крестьянского Правительства, строжайшее соответствие законам постановлений и распоряжений, издаваемых органами власти, обеспечение применяемым законом прав населения и в особенности трудящихся – в целях сохранения союза рабочего класса с крестьянством и укрепления пролетарского государства»³.

С подобным, скорее практическим пониманием концепта согласно большинство современных исследователей советского права, среди которых можно выделить М.С. Диденко, В.Б. Романовскую, В.А. Рыбакова⁴ и др.

Однако с принятием Конституции СССР 1936 г. концептуально понятие «революционной/социалистической законности» претерпевает серьезные изменения. По сути, Конституция 1936 г. смогла в некоторой степени воплотить на практике с правовой точки зрения соотношение закона (в классическом его понимании) и «революционной целесообразности», сочетав несочетаемое: законность как нечто стабильное и революционную основу как нечто хаотичное и требующее принятия ситуационных решений, которые могли пониматься вопреки закону, но соответствовали целям существования социалистического общества. С этого времени закон стал отождествляться с политической целесообразностью и социалистическим правосознанием⁵.

В подобной трактовке понятие «социалистической/революционной законности» продолжало бытовать как в советской юридической науке, так и в повседневной жизни и в 1940-е гг. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что эпитеты «революционная» и «социалистическая» по отношению к термину законность применялись на практике с одинаковой частотой, о чем свидетельствуют архивные документы, в том числе материалы одного из изучаемых нами регионов⁶. Поэтому небезосновательно мы ставим между ними знак равенства, как уже отмечалось выше.

Теоретических работ, осмыслявших бы термин «социалистическая/революционная законность» применительно к послевоенному времени, к сожалению, выявить не удалось. Однако изучение архивных документов позволило с практической, повседневной стороны подойти к данной проблеме в вышеуказанный период применительно к реалиям колхозной

² Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности в общей теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 4. С. 10–19.

³ Цит. по: Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности... С. 19.

⁴ Диденко М.С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. № 3. С. 8–14; Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 18–27; Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12. С. 58–62.

⁵ Ковтун Ю.С. Формальный возврат к признанию значимости права: «революционная законность» Конституции 1936 года // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3. С. 22–26.

⁶ Аргунов О.Н. О фактах нарушения «революционной законности» на начальном этапе военного восстановления сельского хозяйства в Курском регионе в 1943 г. // События и люди в документах курских архивов: сб. стат. Вып. XIII. Курск, 2015. С. 5–11.

центрально-черноземной деревни, что в полной мере отражает принцип историзма как ключевой методологический концепт истории как науки. Так, «революционная законность», по мнению депутатов Боринского райсовета депутатов трудящихся Воронежской области, отразившемуся в решении 21-й сессии от 5 октября 1946 г., заключается в соблюдении «законов Советской власти, направленных на охрану и укрепление советского общественного и государственного строя»; «без точного соблюдения Советских законов, решительной борьбы с их нарушениями невозможно обеспечить движение вперед, нормальное развитие нашей промышленности, сельского хозяйства, государственного аппарата, всей жизни страны»⁷. Главными нарушениями «революционной законности», согласно вышеуказанному документу, можно считать несоблюдение принципов советской демократии, нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выразившиеся в расхищении и присвоении колхозной (социалистической) собственности (земли, имущества, хлеба, скота и пр.).

Таким образом, на наш взгляд, в первые послевоенные годы (данный период ограничен временным промежутком с мая 1945 г. (завершение войны) по конец 1947 г., когда страна и регион в целом вышли из кризиса, вызванного засухой 1946 г., что неоднократно обосновывалось в наших работах⁸) применительно к сельскому хозяйству «социалистическую законность» можно рассматривать преимущественно в следующих практических аспектах: выполнение обязательств перед государством и сохранение государственной/колхозной собственности. Безусловно, спектр вопросов, охватываемых понятием «социалистическая законность» в изучаемый период времени, был существенно шире, но в настоящей работе остановимся в основном на последнем как наиболее проблемном.

Проблема массового хищения государственной/колхозной собственности, на наш взгляд, во многом кроется в ее природе: она изначально носит общественный характер и не воспринимается значительной частью населения как чья-то, что отчасти снимает моральные ограничения при совершении противозаконных действий, что неоднократно подчеркивалось многими исследователями⁹. Единственным сдерживающим фактором в этих условиях являлась строгость советских законов и частая несоизмеримость масштабов наказания и преступления¹⁰. Но, на наш взгляд, это была скорее вынужденная мера со стороны государства, обусловленная стремлением упрочнения своих позиций. Однако, как показывает анализ аутентичных архивных материалов, в экстремальных условиях, а именно данный термин наиболее точно описывает положение жителей регионов Центрального Черноземья в условиях послевоенной разрухи и засухи, даже неотвратимость наказаний не останавливала людей идти на преступления, чтобы выжить.

За 1945 г. только в Курской области за нарушения «социалистической законности» были привлечены к уголовной ответственности 855 рядовых колхозников и работников МТС, основная масса (719 чел.) – за хищения колхозной собственности. Наибольшее количество подобных случаев можно было наблюдать в Фатежском (25 случаев), Суджанском (22), Михайловском, Дмитриевском и Уразовском (по 18 случаев) районах. Преимущественно расхищалось зерно при перевозках, самовольной уборке колхозных полей и из-под комбайнов комбайнерами¹¹. Также к ответственности были привлечены еще 53 человека руководящих работников сельскохозяйственного производства, из которых 51 человек – председатели колхозов¹².

⁷ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 2. Л. 607–608.

⁸ См., например: *Арзунов О.Н.* Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (дата обращения: 16.04.2024).

⁹ См., например: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в Советской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, № 3. С. 655–670.

¹⁰ *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020. С. 141–150.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 214.

¹² Там же. Л. 225–226.

Кроме того, по данным от 32 районов за 1945 г. заведено 624 уголовных дела по факту невыработки колхозниками минимума трудодней, предусмотренного совместным Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»¹³.

Стоит отметить, что значительную часть уголовных дел, заведенных в отношении работников сельского хозяйства, составляли материалы о невыполнении государственных поставок сельскохозяйственными артелями. Так, к 1 октября 1945 г. только в Глушковском и Краснояружском районах Курской области план хлебопоставок был выполнен на 79,9 и 72,2 % соответственно. В то же время большая половина районов (36 из 62) план заготовок выполнила менее чем на 48 %, а такие районы, как Свободинский, Октябрьский и Бесединский, – всего лишь на 25–30 %. Из врученных органами Наркомзага колхозам 2 286 обязательств на ту же дату невыполненными оказались 2 000¹⁴. Несмотря на такое тяжелое состояние с выполнением плана хлебопоставок в области, органы Наркомзага передали в суды только 38 материалов на колхозы девяти районов (и это при том, что по сведениям из этой же докладной записки большинство райпрокуроров оказались мобилизованными райкомами партии в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам¹⁵), из которых судами рассмотрено лишь 8 материалов. При этом решения судов ни в одном случае не исполнены: не привлечено было к уголовной ответственности ни одного саботажника за злостное невыполнение обязательств по сдаче хлеба государству. Такое положение стало возможным благодаря бездействию прокурорских работников в районах, которые, по мнению составителя докладной записки, занимались «покровительством дезорганизаторов трудовой дисциплины в колхозах», что подтверждалось сведениями о волоките при ведении подобных дел. Так, по сообщению прокурора Белгородского района от 1 октября 1945 г., народный суд, вынеся приговоры в отношении 21 колхозника за невыработку минимума трудодней до 29 сентября того же года, ни на одного человека не передал приговоры для исполнения.

Привлечение работников прокуратуры в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам в Курской области, как удалось установить при анализе архивных материалов, было типичным для регионов Центрального Черноземья. К примеру, в связи с решением бюро Воронежского обкома ВКП(б) об усилении хлебозаготовок в регионе областной прокуратурой в ноябре 1945 г. были вызваны в Воронеж прокуроры всех 80 сельских районов с отчетами об участии прокурорских работников в хлебозаготовительной кампании. Удалось установить, что работа районных органов прокуратуры была неудовлетворительной, не отвечающей интересам государства и партии¹⁶. Но данная практика продолжала реализовываться в Центральном Черноземье в течение всего исследуемого нами периода, причем зачастую в ущерб выполнению непосредственных должностных обязанностей прокурорскими работниками.

Как можно видеть, ситуация с расхищением государственной и колхозной собственности, а также с обязательными поставками государству в колхозах Центрального Черноземья в послевоенный период была сложной. Объясняется это, на наш взгляд, преимущественно объективными причинами, среди которых определяющую роль сыграла послевоенная разруха, в условиях которой приходилось вести хозяйство. Однако в 1946–1947 гг. ситуацию усугубила засуха и последовавший за ней широкомасштабный голод, вызвавший значительный рост преступлений, связанных с хищениями и кражами.

В докладной записке прокурора Тамбовской области Г.С. Бахарова от 23 августа 1946 г. первому секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкову отмечалось возросшее количество случаев хищения зерна в системе «Заготзерно». Одной из причин подобного положения, помимо объективных условий засухи, Бахаров видел в том, что в районных отделениях «Заготзерно» на лето 1946 г. работали 15 человек, ранее судимых за кражи и другие

¹³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 215.

¹⁴ Там же. Л. 221–222.

¹⁵ Там же. Д. 2466. Л. 223.

¹⁶ Там же. Д. 2364. Л. 38.

хозяйственные преступления. «Если учесть, что областная контора “Заготзерно” вообще своих работников, допущенных к материальным ценностям, не проверяет и что данные о судимости у них имеются лишь благодаря указанию самих работников, внесенных в анкеты, заполняемые ими при поступлении на работу, то станет ясным неблагополучие с подбором кадров в указанной системе»¹⁷, – констатирует областной прокурор. При этом по сопутствующим данной докладной записке документам можно увидеть, что в предыдущие годы (1944–1945 гг.) количество случаев хищений зерна было значительно меньшим: органам милиции и прокуратуры удалось установить, что за 1944 г. со складов «Заготзерно» было похищено не менее 615,1 ц зерна, в 1945 г. – не менее 4 147,7 ц, а в 1946 г. – не менее 10 403,7 ц¹⁸. Только за 10 месяцев 1946 г., по неполным данным, было выявлено 87 фактов хищения хлеба, задержано 130 человек, из которых 105 были работниками заготовительных пунктов¹⁹.

Более того, на некоторых предприятиях системы образовались «прочные гнезда жуликов и воров государственного хлеба», что стало возможным благодаря отсутствию своевременных мер и адекватной реакции на подобные случаи со стороны областного руководства «Заготзерна». Проверкой личного состава заготовительных пунктов, проведенной Тамбовской областной прокуратурой в начале осени 1946 г., была вскрыта «большая засоренность чуждыми и не внушающими доверия людьми», в результате которой отстраненными от работы оказались 123 человека. Так, к примеру, на тамбовском элеваторе при полном бездействии его директора Боброва действовала целая группа расхитителей социалистической собственности, которую местная прокуратура окрестила «харбинской». Все ее члены – Е.П. Танцырева, Б.П. Танцырев, М.И. Новосельцева, Е.И. Читова – в 1935 г. прибыли в Тамбовскую область из Харбина (Китай), при этом мужа Танцыревой и Новосельцевой, а также отец Читовой в 1936–1937 гг. арестованы и осуждены за контрреволюционную деятельность. Все члены данной группы между собой являлись разной степени родственниками, а поступающий на пункт «Заготзерно» хлеб использовался ими для содержания личных хозяйств: при обысках оперативные работники обнаружили большое количество скота и птицы²⁰. В имеющихся в наших распоряжениях материалах отсутствуют точные сведения об объемах хищений, однако небезосновательно можно констатировать, что масштабы преступления были достаточно серьезными.

Стоит отметить, что данные случаи были не единичными и имели место на всей территории Центрального Черноземья. К примеру, аналогичную картину дает анализ работы прокуратуры Медвенского района Курской области за 1943 – первую половину 1946 г. Так, в 1943 г. в районе к уголовной ответственности были привлечены 129 чел., из которых 40 – за преступления, связанные с расхищением и растратой социалистической собственности, в 1944 г. – соответственно 243 и 84 чел., в 1945 г. – 233 и 121, а за первое полугодие 1946 г. – 204 и 107 чел.²¹ Как мы видим, увеличилось не только количество раскрытых преступлений, но и нарушений «социалистической законности». Аналогичные картины можно было наблюдать также в Бесединском (за пять месяцев 1947 г. райпрокуратура возбудила 72 уголовных дела, из которых 58 связаны с кражами и расхищением социалистической собственности)²², Ленинском²³, Обоянском (только за 1946 г. расследованы 123 крупные и мелкие кражи в колхозах и 27 случаев хищения и разбазаривания социалистической собственности)²⁴, Крупецком²⁵ районах.

¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 12–13.

²¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 499а. Л. 40–41 об.

²² Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 289. Л. 22–22 об.

²³ Там же. Ф. П-160. Оп. 1. Д. 286. Л. 5–7.

²⁴ Там же. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–6.

²⁵ Там же. Ф. П-91. Оп. 1. Д. 186. Л. 70–72.

Лавинообразный рост хищений колхозной собственности также имел место и в отдельных районах Воронежской области, как, к примеру, в Грязненском, где только за первый квартал 1947 г. работникам прокуратуры удалось расследовать свыше 50 подобных уголовных дел²⁶.

Экстраполируя данные частные случаи на масштаб Центрального Черноземья, отметим, что объемы хищений и краж в колхозах региона были колоссальные. При этом также необходимо оговориться, что речь идет только о раскрытых преступлениях, подлинное их количество вряд ли удастся когда-либо восстановить. В то же время данная картина была характерна для всего Советского Союза. По данным В.Ф. Зимы, только за осень 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53 369 чел., из них 36 670 чел. приговорены к лишению свободы²⁷. И это без учета людей, привлеченных к ответственности в связи с изданием совместного Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В публикациях, основанных на материалах Курской области, мы уже неоднократно обращались к данному сюжету²⁸. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения по Воронежской и Тамбовской областям позволяют подтвердить уже применительно ко всем регионам Центрального Черноземья обоснованный нами тезис о том, что реализация вышеуказанного акта была направлена в первую очередь на возврат колхозам их земель, захваченных в годы войны, когда сельскохозяйственные артели не могли в полной мере обеспечить обработку всех имеющихся в их распоряжении посевных площадей. Возврат похищенной прочей колхозной собственности (скота, жилых построек, в редких случаях инвентаря и пр.) носил в большей степени формальный характер, так как не оказывал определяющее влияние на дальнейшее развитие отрасли, в отличие от земли.

В основном за хищения и кражи, описанные выше, привлекались рядовые колхозники, члены правлений и председатели колхозов. Однако в изученных архивных материалах встречаются случаи пресечения действий криминальных банд.

Например, в начале января 1947 г. оперативники Беловского райотдела МВД Курской области совместно с работниками прокуратуры смогли задержать шестерых членов банды, колхозников сельхозартели им. РККА села Вишнева того же района. Все они были в возрасте от 21 года до 32 лет и на их счету было три грабежа и шесть квалифицированных краж, в ходе которых было похищено свыше 20 ц зерна, 30 кг сала, 70 кг соли и две овцы из колхозов Вишневского, Забужевского, Макрушанского и Малосолдатского сельсоветов Беловского района²⁹. Подобные случаи нами были выявлены преимущественно в Курской, западных и юго-западных районах Воронежской области. Именно эти территории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны были оккупированы немецко-фашистскими захватчиками, что способствовало приобретению местным населением оружия, с помощью которого и совершались кражи и грабежи. В Тамбовской области сведений о подобного рода бандах нами не выявлено.

Кроме того, стоит выделить расследование дел, связанных с превышением должностных полномочий отдельными лицами. К примеру, в октябре – ноябре 1946 г. прокурором Верхнелюбжского района было инициировано открытие уголовного дела в отношении первого секретаря райкома ВКП(б) того же района В.Т. Шубина, который обвинялся в хищении государственных средств с последующим сокрытием данных преступлений. Из-за его действий, как удалось установить следователям, получили различные сроки тюремного заключения директор местного маслозавода Владимирова, где он «брал масло как хозяин в неограниченном количестве», продавец магазина Пашкова, у которой Шубин взял товаров на 2 500 руб., но денег не заплатил, а колхозы «Союз рабочих и крестьян» и «Ленинские

²⁶ ГАЛО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–1 об.

²⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов... С. 146.

²⁸ См., например: Аргунов О.Н. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 38–49.

²⁹ ГАОПИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 790. Л. 5.

всходы» и вовсе стали его личной вотчиной, где первый секретарь регулярно брал продукты для личных нужд. Общий объем ущерба, нанесенного хозяйству района Шубиным, оценивается не менее чем в 100 тыс. руб.³⁰ За данные действия В.Т. Шубин был исключен из рядов ВКП(б), однако его дальнейшую судьбу пока установить не удалось.

Стоит отметить, что подобные случаи были не единичными во всех областях Центрального Черноземья: некоторые партийные и государственные руководители районов злоупотребляли своим служебным положением, однако подобные прецеденты редко доходили до уголовных дел и в подавляющем большинстве случаев носили эпизодический, а не системный характер. Кроме того, подобное поведение представителей руководящих структур практически не вызывало отторжения у рядовых колхозников: основной массой это воспринималось без заметной негативной реакции.

Как показывают данные анализа документов прокуратур Воронежской, Курской и Тамбовской областей, вместе с уходом голода, а ситуация постепенно стабилизировалась в регионе уже в августе 1947 г., произошло снижение количества дел, связанных с хищениями колхозной и государственной собственности в сельском хозяйстве³¹. В связи с чем можно предположить, что все же, несмотря на отсутствие хозяйского отношения со стороны подавляющего большинства колхозников и руководящих работников к колхозной и государственной собственности, значительная часть населения не стремилась разворовывать ее без особой нужды.

Последний всплеск открытия подобного рода дел можно было наблюдать в Тамбовской области (по Курскому и Воронежскому регионам подобных тенденций нами замечено не было) в период уборочной кампании 1947 г. Так, за период уборки урожая 1947 г. в Тамбовской области прокуратурой дана санкция на привлечение к уголовной ответственности 15 председателей колхозов за различные злоупотребления и преступления. Подавляющее число санкций (13) выдано за хищения хлеба. Как показал анализ документов, преимущественно схема хищения была следующей: зерно оформлялось на госпоставку, вывозилось в ближайший крупный населенный пункт на рынок, где продавалось, а деньги делились между участвовавшими в преступлении лицами. Таким образом, в колхозе «Красная столица» Мичуринского района было украдено свыше 40 ц зерна только в период уборочной кампании, когда преступную схему удалось раскрыть³². Как можно видеть, вышеуказанный тезис об отсутствии стремления рядовыми жителями села что-либо украсть без осознанной необходимости вполне подтверждается.

Вместе с тем еще раз отметим, что приведенные нами сведения – лишь вершина айсберга: большинство случаев краж и хищений колхозной и государственной собственности не расследовалось по причине отсутствия сведений о них в органах внутренних дел и прокуратуры. В этой связи примечательна докладная записка прокурора отдела общего надзора прокуратуры Курской области Смородского от 17 октября 1945 г., в которой отмечалось, что «неудовлетворительная работа райпрокуроров, недостаточное руководство ими и неумение вскрыть нарушения законности представителями облпрокуратуры» стали следствием того, что преступления против «социалистической законности» не только плохо расследовались, но и не вскрывались в большинстве районов региона³³. Данное положение имело место быть в Воронежской и Тамбовской областях, но необходимо констатировать еще один немаловажный факт: подавляющее большинство дел, связанных с нарушением «социалистической законности» в сельском хозяйстве, расследовалось довольно тщательно. К примеру, в 1945 г. в прокуратуру Воронежской области поступило уголовное дело в отношении И.М. Леонова, обвиняемого по статье 58 часть 14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж). Однако спецотделом прокуратуры дело было переквалифицировано по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением): Леонову вменялось в вину,

³⁰ ГАОПИКО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 133. Л. 218–222 об.

³¹ Государственный архив Курской области. Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 33. Л. 346–348; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2364. Л. 41; ГАТО. Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 81. Л. 45–58.

³² ГАТО. Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 52. Л. 71–72; Д. 63. Л. 33–33 об.

³³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 220.

что он, будучи председателем колхоза, якобы проводил саботаж хлебопоставок, но из материалов уголовного дела было видно, что он допустил лишь ряд преступных действий должностного порядка, «растранижая» колхозные средства, часть из которых присвоил себе. Дело было направлено на доследование: необходимо было установить точную сумму ущерба, а также доказать присвоение и растрату средств, так как по материалам дела эти обвинения являлись необоснованными³⁴. Как итог, И.М. Леонов был осужден по статье 109 УК РСФСР, своей вины он не отрицал.

Подытоживая, необходимо отметить, что вопросы, связанные с борьбой за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве послевоенного СССР, еще предстоит осмыслить. Накопленный на настоящий момент историографический опыт изучения данной проблемы, на наш взгляд, еще недостаточен для каких-либо существенных обобщений: не хватает анализа региональной специфики. Однако предпринятая попытка осветить проблематику на материалах Центрального Черноземья показывает, что вопросы соблюдения «социалистической законности» в воронежской, курской и тамбовской деревне были чрезвычайно остры в аспекте расхищения и краж колхозной и государственной собственности. Объясняется это тяжелыми условиями жизни подавляющего большинства сельских жителей в послевоенные годы, вызванными разрухой, засухой и широкомасштабным голодом 1946–1947 гг. Однако проанализированные документы говорят нам, что подобное поведение сельских жителей скорее имело ситуационный характер и в период нормализации условий жизни количество фактов расхищения и краж общественной собственности существенно снижалось. Лишь некоторые руководящие работники, использовавшие свое служебное положение для личного обогащения, асоциальные элементы в стабильных условиях продолжали совершать подобного рода преступления. Однако для создания целостной картины борьбы за «социалистическую законность» в центрально-черноземной деревне предстоит провести еще целый ряд исследований.

Литература

Аргунов О.Н. О фактах нарушения «революционной законности» на начальном этапе военного восстановления сельского хозяйства в курском регионе в 1943 г. // События и люди в документах курских архивов: сб. стат. Вып. XIII / под ред. В.Л. Богданова. Курск: Центр рекламы «Лоцман», 2015. С. 5–11.

Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (дата обращения: 16.04.2024).

Аргунов О.Н. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 38–49.

Безнин М.А., Димони Т.М. Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в советской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, № 3. С. 655–670.

Диденко М.С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. № 3. С. 8–14.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов: Приволжская книжная палата, 2020. 400 с.

Ковтун Ю.С. Формальный возврат к признанию значимости права: «революционная законность» Конституции 1936 года // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 22–26.

Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности в общей теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 4. С. 10–19.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2364. Л. 2.

Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 18–27.

Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.

Солуков А.А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 271–275.

References

Argunov, O.N. (2015). O faktakh narusheniya “revolyutsionnoy zakonnosti” na nachal’nom etape voennogo vosstanovleniya sel’skogo khozyaystva v Kurskom regione v 1943 g. [On the Facts of Violation of “Revolutionary Legality” at the Initial Stage of the Military Restoration of Agriculture in the Kursk Region in 1943]. In *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov: sbornik statisticheskoy. Vol. 13*, pp. 5–11.

Argunov, O.N. (2016). Sotsial’no-khozyaystvennaya zhizn’ kurskoy derevni v poslevoenny period. Problema goloda [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-War Period. Famine Problem]. In *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (39). Available at: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (date of access 16.04.2024).

Argunov, O.N. (2017). Organizatsionno-khozyaystvennoe ukreplenie kolkhozov Kurskoy oblasti posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny [Organizational and Economic Strengthening of Collective Farms in the Kursk Region after the End of the Great Patriotic War]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 2 (22), pp. 38–49.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2023). Ogosudarstvlenie i razgosudarstvlenie sobstvennosti na sredstva proizvodstva v sovetskoj Rossii [Nationalization and Denationalization of Ownership of the Means of Production in Soviet Russia]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. Vol. 68, No. 3, pp. 655–670.

Didenko, M.S. (2023). Printsipy sotsialisticheskoy zakonnosti kak osnovanie postroeniya sistemy istochnikov sotsialisticheskogo prava [The Principles of Socialist Legality as the Basis for Constructing a System of Sources of Socialist Law]. In *Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo*. No. 3, pp. 8–14.

Kovtun, Yu.S. (2020). Formal’nyy vozvrat k priznaniyu znachimosti prava: “revolyutsionnaya zakonnost” Konstitutsii 1936 goda [A Formal Return to the Recognition of the Importance of Law: The “Revolutionary Legality” of the 1936 Constitution]. In *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. No. 3 (60), pp. 22–26.

Plotnieks, A.A. (1980). Formirovanie kontseptsii sotsialisticheskoy zakonnosti v obshchey teorii prava [Formation of the Concept of Socialist Legality in the General Theory of Law]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. No. 4, pp. 10–19.

Romanovskaya, V.B. (2013). Stanovlenie teorii sotsialisticheskoy zakonnosti v 20–30-e gody XX veka [The Formation of the Theory of Socialist Legality in the 20–30s of the 20th Century]. In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost’*. No. 9, pp. 18–27.

Rybakov, V.A. (2017). Revolyutsionnaya zakonnost’: teoreticheskiy aspekt [Revolutionary Legality: Theoretical Aspect]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. No. 12 (156), pp. 58–62.

Solukov, A.A. (2016). Formirovanie predstavleniy o sotsialisticheskoy zakonnosti v otechestvennoy pravovoy nauke [Formation of Ideas about Socialist Legality in Domestic Legal Science]. In *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. No. 3, pp. 271–275.

Zima, V.F. (2020). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and Consequences]. Saratov, Privolzhskaya knizhnaya palata. 400 p.